

Проблемы прародины и этнических корней бурятской группы сэгэнутов

С. Б. Болхосоев¹, Е. Б. Болхосоева^{2*}

¹Восточно-Сибирский государственный институт культуры, г. Улан-Удэ, Россия

²Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Представлен анализ проблемы происхождения одного из ключевых компонентов родоплеменного состава западных бурят, известного под именем «сэгэнуты». Доказывается, что истоки и прародина бурятской группы были связаны с территорией северо-западной Монголии и сопредельными районами юго-восточной Тувы, расположенными в границах биосферного заповедника – Убсунурской котловины. Выявлены этнические истоки сэгэнутов, восходящие к урянхайской/тюркской этнической основе, составляющей значительный пласт исконного населения Убсунурской котловины. Существенным аргументом является указание на уйгурский язык предков сэгэнутов, запечатленный шаманской традицией бурят. Рассмотрены также другие фольклорные сведения, дополняющие данное обоснование и раскрывающие раннюю этническую историю сэгэнутов.

Ключевые слова: буряты, сэгэнуты, ойраты, урянхайцы, родовая группа, топоним, этногенез, мигранты.

Для цитирования: Болхосоев С. Б., Болхосоева Е. Б. Проблемы прародины и этнических корней бурятской группы сэгэнутов // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2023. Т. 44. С. 99–119. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2023.44.99>

Problems of the Former Homeland and Ethnic Roots of the Buryat group of Segenuts

S. B. Bolkhosoev¹, E. B. Bolkhosoeva^{2*}

¹East-Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude, Russian Federation

²Dorzhii Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the consideration of the origin of one of the main components of the tribal composition of the Western Buryats, known as “Segenut”. The relevance of this study is due to the insufficient study of the ethnic origins of the ancestral group, the territory, and the time of the formation of the West Buryat group. The study is based on general scientific research methods. Comparative historical and textual methods are also used. Analysis of ancestral traditions and texts of shamanic invocations of Buryats shows that the origin of the Buryat group of Segenuts was associated with the territory of northwestern Mongolia and adjacent areas of southeastern Tuva. These territories are located within the boundaries of the biosphere reserve, called the Ubsunur basin. This is indicated by the analysis of toponymic names found in folklore and texts of the sacred tradition of the Segenuts. This is also evidenced by the ethnonymy reflected in the legends of the Buryats. This made it possible to identify the ethnic origins of the Segenuts, going back to the Uriankhai/Turkic basis. This basis makes up a significant layer of the original population of the Ubsunur basin. A significant argument in favor of this is the reference to the Uighur language of the ancestors of the Segenuts. This language is captured by the shamanic folklore of the Buryats. It is known that language is one of the basic elements in ethnic identification. Language stands out as a key factor in the definition of an ethnic group in various scientific concepts. At the same time, it is impossible not to note the marking of the Segenuts as Uriankhais in folklore, representations and traditions of the Buryats. This also gave reason to believe that the Segenuts are not autochthons of the Cis-Baikal region, but a migrated part of the Turkic-speaking society, close in origin to the Tuvan groups Soyans and choodu. That is, the Segenuts are the descendants of the Turkic-speaking ethnic group who became Buryats. In this regard, a version has been put forward about the time of their migration. It was provoked by the unstable situation in Western Mongolia and Southern Siberia in the 15th–16th centuries. Perhaps the situation was connected with the desire of the Oirats as a leading ethno-political association, who tried to expand their zone of influence to neighboring territories. This led to civil strife, military actions and the outflow of the population to other regions.

Keywords: Buryats, Segenuts, Oirats, Uriankhais, tribe, toponym, ethnogenesis, migrants.

For citation: Bolkhosoev S. B., Bolkhosoeva E. B. Problems of the Former Homeland and Ethnic Roots of the Buryat group of Segenuts. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2023, Vol. 44, pp. 99–119. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2023.44.99> (in Russ.)

*Полные сведения об авторах см. на последней странице статьи.
See the last page of the article for full author information.

Введение

Бурятский этнос представляет собой монголоязычную общность с довольно сложной родоплеменной структурой, состоящей из четырех крупных племенных объединений – булагатов, эхиритов, хонгодоров, хори и родовых групп различной

численности. Среди последних большой интерес представляют сэгэнуты, фигурирующие во многих генеалогических преданиях западных (предбайкальских) бурят в качестве одного из ключевых компонентов этногенеза. С другой стороны, происхождение и этническая история сэгэнутов, в том числе и семантика этнонима, все еще не нашли своего однозначного решения в науке, поэтому исследование данной тематики является одной из актуальных ныне проблем. Ее рассмотрение имеет большое значение в понимании истоков и процессов формирования бурятского народа и позволяет открыть новые перспективы для научных исследований в этой области этнологических знаний. Этим же продиктовано наше внимание к данной проблеме, особенно в части, касающейся ранней истории сэгэнутов. Поэтому в рамках предлагаемой статьи предпримем попытку исследования происхождения сэгэнутов, подробнее остановимся на этом аспекте, поскольку его разработка дает возможность реконструировать этническую основу бурятской группы, а также способствует выявлению ее исторических корней.

Методология и история вопроса

В работе была сделана опора на общенаучные методы исследования, а также на сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический и текстологический методы. Кроме того, по этногенезу и этнической истории бурят имеется определенное количество научных трудов, важнейшие положения которых также выступают методологической основой настоящего исследования. Таковыми являются труды А. П. Окладникова [1937], С. И. Вайнштейна [1957], Б. О. Долгих [1953], Л. П. Потапова [1969], Ц. Б. Цыдендамбаева [1972] и др. Ценным научным подспорьем для раскрытия цели настоящего исследования послужил обзор работ последних лет (Б. З. Нанзатов [2005, 2013, 2020], П. Б. Коновалов, Д. В. Цыбикдоржиев [2017] и т. д.), связанных не только с общей проблемой этногенеза и этнической истории бурятского народа, но также с вопросами происхождения и формирования отдельных родоплеменных групп этноса.

При этом работ, связанных непосредственно с исследованиями сэгэнутской темы, немного. В основном это научные труды бурятских ученых. Среди них можно выделить монографию С. П. Балдаева, в которой представлен огромный фактический материал по родоплеменному составу бурятского народа – обширные сведения о сэгэнутах в виде родовых преданий и легенд, генеалогических таблиц, информации об их расселении и традициях. Содержание этих сведений позволило ученому прийти к мысли, что история происхождения сэгэнутов как родовой группы связана с Джунгарией (Западной Монголией) [Балдаев, 1961, с. 76; 2019, с. 32]. Тот же самый взгляд сохраняется в работах Ц. Б. Цыдендамбаева [1972, с. 210], Т. М. Михайлова [1980, с. 284], Б. З. Нанзатова [2005, с. 55] и др., посвященных изучению исторических хроник и родословных бурят, исследованию родоплеменных культов и традиций.

Мнения расходятся в вопросах, касающихся происхождения этнонима, его семантики и времени появления сэгэнутов на территории Предбайкалья. По первому вопросу раньше всех высказался С. П. Балдаев, который видел в названии сэгэнутов отражение цвета (*сэгээн хүхэ* – «светло-голубой») древнейшего знамени одного из джунгарских военных формирований [Балдаев, 2019, с. 32–33]. Однако, по мнению Б. З. Нанзатова, сэгэнутское имя восходит к тюркскому термину «сыгин», означающему правителя. Ученый исходит из того, что легенды бурят повествуют о некогда могущественных и многочисленных сэгэнутах, постоянно

нападавших и грабивших малочисленные в прошлом бурятские племена – эхиритов и булагатов. Поэтому в этнониме могло перерасти имя нарицательное по отношению к аристократическому клану – «сыгин», которое под влиянием фонетики бурятского языка обрело известную выше форму [Нанзатов, 2005, с. 55].

Другие исследователи, в частности П. Б. Коновалов и Д. В. Цыбикдоржиев, поддерживают иное происхождение имени сэгэнатов, хотя без трактовки значения. На их взгляд, этноним восходит к старописьменной монгольской форме *čingnüt* (*чингнут*), обозначавшей таким образом сэгэнатов в бурятской летописи XIX в. Кроме того, они предполагают, что в средневековье *čingnüt* могла произноситься как «чиг(и)» в силу выпадения из основы *-чинг* звука *-н-* и окончания множественного числа *-нут*. При этом «чиг(и)», по мнению авторов версии, напрямую сопоставима с этнонимом «чике/чику», фиксируемом в монгольском источнике «Алтан тобчи» Мэргэн Гэгэна и древнетюркских надписях. Согласно выводу ученых, носители этнонима, проживавшие в древности на территории современной Тувы, разгромленные сначала тюрками, потом уйгурами, частью переселившись в Западное Забайкалье, приобрели дополнительное имя «тулас», упоминаемое в средневековых источниках вместе с именами баргутов и хоритуматов. Отсюда, по допущению вышесказанных ученых, чики/туласы, вероятно, в XII в. движимые опять же войной, могли оказаться в Предбайкалье, став тем самым предками сэгэнатов [Коновалов, Цыбикдоржиев, 2017, с. 143–144].

На той же позиции относительно времени заселения сэгэнатами Предбайкалья стоит Е. В. Павлов, аргументируя ее тем, что «в фольклоре олеты или сэгэнаты представляются по отношению к булагатам и эхиритам как автохтоны, как *добурятское население*» [Павлов, 2007, с. 17–18]. Аргумент дополняется свидетельством о существовании этнической группы ююлээт в составе вилюйских якутов, которую ученый по названию соотносит с ойратским этнонимом «уг-элэт/олет». На этой основе Е. В. Павлов считает, что небольшая часть олетов, до XII в. пришедшая с Присаянья или верховьев Енисея в Предбайкалье, вошла в состав предков якутов и ушла вместе с ними по р. Лене [Там же, с. 19]. Однако это мнение не поддерживается якутским исследователем В. В. Ушницким, который, ссылаясь на исторические и этнографические данные, видит в ююлээтах автохтонов Якутии – эвенков [Ушницкий, 2007, с. 22–23].

Также отличны от версии Е. В. Павлова, П. Б. Коновалова и Д. В. Цыбикдоржиева мнения С. П. Балдаева и Т. М. Михайлова относительно времени появления олетской группы в Предбайкалье. Последние датируют ойратскую миграцию XIV–XVII вв. [Балдаев, 2019, с. 33; Михайлов, 1980, с. 284], подразумевая, что западные монголы проникали в регион не сразу, а волнами [Цыдендамбаев, 1972, с. 264]. Если учитывать значительное число пришлых групп в составе западных бурят [Балдаев 2019, с. 381], данная точка зрения не лишена основания и согласуется с нашей позицией.

Обзор имеющихся работ о сэгэнатах достаточно отчетливо показывает дискуссионность в вопросах решения сэгэнатской проблемы, требующей дальнейшего изучения с привлечением фольклорно-этнографических материалов ввиду известного отсутствия документальных данных о ранней истории и культуре бурятской группы. Поэтому в основу настоящего исследования положены материалы устной традиции, зачастую представляющие собой единственный в своем роде источник для анализа этногенеза и ранней этнической истории сэгэнатов. К тому же их тщательное изучение дало нам основу для выдвижения новой версии, которую представляем в данной статье.

Результаты и обсуждение

Прародина сэгэнутов – Алтай и Хан Хухэй. Изучение поставленной проблемы начнем с определения местонахождения географической прародины сэгэнутов, поскольку в преданиях существует расхождение в обозначении первоначальной ее локализации. Называются такие территории, как Монголия, Алтай, Джунгария, Забайкалье, Енисейский [Балдаев, 2019, с. 321, 328, 331, 439, 542, 555; Хангалов, 2004в, с. 78, 278] и Урянхайский края [Маласагаев, ф. 362, оп. 1, д. 20, л. 2, 5]. Вдобавок предания ограничиваются общей фразой: «пришли откуда-то с запада» [Балдаев, 2019, с. 329; Хангалов, 2004в, с. 75].

В этом отношении более определенное представление о первоначальной родине сэгэнутов, на наш взгляд, отражает их обрядовый фольклор, в частности шаманские призывания, посвященные духам-предкам рода:

*Агнаһан дайдамнай
Алтайн ехэ гурьба,
Хүүжэһэн газармнай
Хүхэйн хорин гурьба
Зүлгэжэ ерэнэн дайдамнай
Зүлхэйн үргэн гол...*

*Наш край охоты –
Алтайские огромные ущелья,
Наш край воспитания (возмужания) –
Хухэйские двадцать лоцин,
Земля, куда мы прибыли,
Просторная долина Лены...
[Балдаев, 2019, с. 322, 558].*

Учитывая консервативность шаманской традиции, обусловленной сакральностью, способствующей сохранению священных текстов на протяжении длительного времени, упоминание о местонахождении изначального проживания сэгэнутов, связанное с Алтайским регионом, звучит более убедительно. Существенным аргументом является упоминаемый наряду с Алтаем ороним «Хухэй». С точки зрения С. П. Балдаева, это бурятское название горной системы Восточных Саян, с которой ученый связывает происхождение сэгэнутов [Балдаев, 2019, с. 322, 558]. Однако следует заметить, что под схожим названием «Хан Хухэй» [Грумм-Гржимайло, 1914, с. 166] (монг. *Хан Хөхий*, тув. *Хан Көгей*) существует горный хребет в северо-западной части современной Монголии (территория Убсунурского аймака) [Донгак, 2018, с. 130]. Он является самым западным в горной системе Хангая, разделяет Убсунурскую и Хяргасскую озерные котловины [Звонов, Букреев, Болдбаатар, 2016, с. 17]. При этом Хан Хухэй состоит из трех отрогов, называемых тувинскими кочевниками как Хан Көгей, Эжэн Көгей и Богдо Көгей [Донгак, 2016, с. 55]. Прилагательные *хан*, *эжэн*, *богдо* в тувинском и монгольских языках имеют значения «царь», «владыка», «бог», «святой» [Тувинско-русский ... , 1968, с. 106, 459, 607; Шагдаров, Черемисов, 2010а, с. 131; 2010б, с. 369, 653]. Причем тот же самый смысл («главный/высший») заключен в названии массива, занимающего северо-восточную часть Монгольского Алтая – Алтан Хухэй («золотой Хухэй») [Звонов, Букреев, Болдбаатар, 2016, с. 10], находящегося в том же районе Западной Монголии.

Хухэй (алтайский, хангайский) является священным для народов Западной Монголии. Его издревле почитали ойраты [Эрдэнэболд, 2012, с. 34, 38], с ним связаны представления о родине. В то же время Хан Хухэй предстает в воззрениях западных монголов и родиной тувинских родоплеменных групп – южных соян (или сойотов), кыргыс и чооду, в массе своей ныне живущих в юго-восточной части Республики Тыва, смежной с северо-западной границей Монголии [Донгак, 2018, с. 131, 136]. Это говорит о том, что в прошлом этническое население близлежащих районов Хан Хухэя было разбавлено тюркским (тувинским) эле-

ментом [Донгак, 2018, с. 133], обозначающимся в монгольской традиции урянхайским. Кстати, тот же компонент фигурирует в шаманских призываниях бурятского рода хайтал, причем родственного сэгэнутам, и считается их общим корнем [Балдаев, 2019, с. 323, 336, 537]. Впрочем, урянхайская тема нередко звучит в преданиях и шаманских призываниях этих родов. К примеру, «Урянхайская степь» – первоначальное место поселения сэгэнутов в Верхоленье; от урянхайцев происходили шаманы; прародителя звали «Урянхай ехэ бөө» («большой шаман Урянхай») [Балдаев, 2019, с. 323, 335, 336, 537] и т. д.

Иными словами, урянхайский элемент связывает сэгэнутов и хайталов с общими истоками, территорией, обозначенной в материалах М. Маласагаева «Урянхайской Монголией» [Маласагаев, ф. 362, оп. 1, д. 20, л. 2]. Следовательно, в качестве прародины сэгэнутов можно рассматривать именно этот регион, географически связанный с Алтае-Хухэйским краем северо-западной Монголии и сопредельными районами юго-восточной Тувы, а не зону Восточных Саян, находящуюся на заметном отдалении от вышеуказанной области.

Убсунурье – «колыбель» предков сэгэнутов. На географию определяемой нами прародины сэгэнутов в то же время могут указывать некоторые названия, упоминаемые в их устной традиции. Например, известное озеро северо-западной Монголии Убсу-Нур и р. Хобдо:

*...Убса арюун нуураараа
Угаалгаяа хэжэ гаралайбди,
Хобдоо арюун нуураараа
Сэбэрэлгэ хэжэ ерэрэйбди!
Алтайяа арюун арсаарань
Арюулгаяа хэжэ ерэлэйбди,
Хүхэео хуниун жодоогооронь
Хуниуулажа гаралайбди...*
[Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 1017, л. 27;
д. 867, л. 9; д. 864, л. 73].

*...Прозрачной водой Убсу-Нура
Омывшись, мы вышли,
Светлой водой из Хобдо
Очистившись, мы прибыли!
Алтайским можжевельником
Освятившись, мы прибыли,
Хухэйской душистой пихтой
Надышавшись, мы ушли...*
(перевод наш. – С. Б., Е. Б.).

Наряду с упоминаемыми водоемами встречаются также гидроним «Унен шара нур» и топоним «Шингэл шибэ дайда» [Балдаев, 2019, с. 328]. Полагаем, что третий гидроним, переводимый с бурятского языка как «корова желтое озеро», восходит к обозначению также реального водного объекта под названием «Шара нур» в значении «желтое озеро». По-другому он известен как Дорэ-Нур / Торе-Хол (Тере-Холь) и представляет собой небольшое пресноводное озеро на территории Юго-Восточной Тувы, по южному берегу которого в настоящее время проходит государственная граница России и Монголии [Донгак, 2018, с. 131, 138–139]. Таким образом, озеро находится в районе, примыкающем к северным склонам хребта Хан Хухэй, наряду с ним оно является заметным географическим объектом данной местности. Соответствующее совмещение так называемого Унен-Шара-Нура с горами Хухэй, Хангай и Алтай как примечательными элементами прародины сэгэнутов также прослеживается в обрядовом тексте, сообщающем об истории миграции их предков:

*...Алтай, Хангайн ёдоогоор
Амилжа гаралайт,
Хүхэйн, Хангайн арсаар
Хүнгэлжэ ерэлэйт,
Үнеэн шара нуурта
Угаалгаяа хэжэ гаралайт,*

*...Корой кедра Алтай и Хангая
Надышавшись, вы поехали,
Можжевельником Хухэя и Хангая
Освятившись, уехали;
В озере Унен-Шара
Совершив омовения, вы уехали,*

*Садантын сагаан нуурта
Аршаалжа ошолойт...*

*У близких в белом озере
Поправившись, вы поехали...
[Балдаев, 2019, с. 334].*

Неслучайность рассмотренных соответствий убеждает нас в том, что под запечатленным в фольклоре Унен Шара Нуром определенно скрывается оз. Шара-Нур. Что касается прилагательного *үнеэн* («корова»), то оно, по нашей трактовке, является определителем условно среднего размера водного объекта. Предположение обусловлено наличием подобных названий в скотоводческих культурах тюрко-монгольских народов Сибири и Центральной Азии. Например, термин «конь» равнозначен понятию «большой», «корова» – «средний» и «овца/коза» – «малый» [Болхосоев, 2020, с. 88]. Следующее озеро, упоминаемое в вышерассмотренном фрагменте текста, судя по содержанию, располагалось по пути передвижения сэгэнуты в Предбайкалье. Он проходил по территории дружественной (или родственной) группы, проживавшей, видимо, в Прихубсугулье. Поскольку именно в этом регионе обнаруживается наличие местности под названием «Цагаан нуур», связанным с гидронимом «Доод-Цагаан нуур» [Нямху, 2012, с. 179, 181]. Последний переводится как «нижнее белое озеро», является калькой тюркского названия «Ак хөл» (в значении «белое озеро»), данного тувинцами сумона Цаган-нур Хубсугульского аймака Монголии [Серен, 2016, с. 3], и в то же время совпадает по названию и смыслу с «белым озером» из сэгэнутского призывания.

С другой стороны, географическое расположение Прихубсугулья, думается, имело преимущество при выборе пути следования мигрантов от Убсу-Нура, Шара-Нура и Хан-Хухэй в Предбайкалье. К этому могли располагать наиболее приемлемый и короткий путь, рельеф и проход через широкую Тункинскую долину в Восточных Саянах, соединяющий Прихубсугулье с Предбайкальем. Впрочем, это также нашло отражение в сакральной истории сэгэнуты. К примеру, в одном из вариантов призывания говорится так:

*...Баруун далай гаталжа,
Зүүн далайда буулайт...*

*...Преодолев западное море,
Прибыли на восточное море...*

Под первым названием подразумевается оз. Хупсэл (Хубсугул), под вторым – оз. Байкал [Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 830, л. 25]. В другом варианте излагается следующее:

*...Зүдэрэн тулин ерэлэйбди.
Түнхэн дээрэ буулайбди,
Түнхэнэй түмэн мянган харьдагууд
Туглэхэжэ хайхан байлай!
Түмэн олон хүнүүдынь
Шууян шааян хайханһан.
Эдихэ ууха юумагүй
Сохилдожо, носолдожо байлай!
Ангара мурин руу ябахандаа
Алалдажа унан ерэлэйбди!
Зүлхэ дээрэ ерэхэдээ,
Зүүн эргын харалайбди...
[Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 1017, л. 27].*

*...Утомленные, мы прибыли.
В Тунку мы пришли,
Тункинские тьма гольцов,
Возвышаясь, красивы были!
Местные племена
Подняли шум и гвалт.
Из-за пищи и питья
Сражались, бились!
По пути к реке Ангаре
Неся потери, мы пришли!
Когда прибыли на Лену,
Левый берег присмотрели...
(перевод наш. – С. Б., Е. Б.).*

При этом географически Убсу-Нур, Шара-Нур и северные **предгория** Хан-Хухэй расположены на территории Убсунурской котловины – уникального биосферного заповедника, равно как и выдающегося памятника историко-культурного значения, поскольку «эта земля была ареной великих движений

народов: скифы, гунны, тюрки, монголы – все оставили здесь память о себе. И потому древние могильники, курганы и памятные камни стали неизменным элементом пейзажа котловины» [Мир Убсунурской ... , 1994, с. 3]. И одной из примечательных особенностей древних памятников является их конструкция в виде ограды из крупных камней округлой или прямоугольной формы. К тому же зачастую они тяготеют к подножию и склонам гор, выстраиваясь цепочками и образуя большие скопления [Килуновская, 2018, с. 35–36]. Некоторые из них обозначаются как, например, «Шивээт-Хайрхан», в переводе с монгольского языка – «с укреплениями Милостивый» (от *шивээ* – «укрепление, крепость»; *-т* – аффикс со значением наличия; *хайрхан* – «милостивый, священный» (почтительное название гор) [Баярсайхан, Бавуу-Сюрюн, 2018, с. 221; Шагдаров, Черемисов, 2010б, с. 382].

Кстати, соответствующим названием «Шибэтэ» и с тем же смыслом, только на бурятском языке, обозначаются подобные комплексы, расположенные, например, в Приольхонье [Сундуева, 2010, с. 39]. Надо заметить, что и в Хакасии, и на Алтае крепости, сооруженные на возвышенностях, также называются «сибэ», «шибее», «шибетти», «шибили», «шибеелу», что совпадает по значению с бурятским или монгольским словом «шибэ». Большинство исследователей, занимавшихся изучением енисейских и алтайских шибэ, считают их укреплениями, служившими в качестве временных убежищ вплоть до XVIII в. [Дашибалов, 1995, с. 54; Бобров, Худяков, 2008, с. 654–655].

Из сказанного следует, что наличие на склонах гор многих верениц могильников и курганов с каменными ограждениями, являющихся заметным элементом пейзажа Убсунурской котловины, вероятно, нашло вербальное воплощение в исторической памяти сэгэнутов о своей прародине в форме «Шингэл Шибэ Дайда» в значении «овитая укреплением земля» (от *шэнгэл шэбээ* – «загородка из плетня», «плетень»; *дайда* – «земля», «местность», «пространство» [Шагдаров, Черемисов, 2010б, с. 637; 2010а, с. 251]). В переносном смысле – «защитница земля», т. е. «родина». Кстати, следует отметить, что схожее с этим традиционное представление обнаруживается у тувинцев, которые воспринимают свою родину (Туву) как территорию, окруженную с четырех сторон высокими преградами – горами. К примеру, с севера она защищена Саянским хребтом, с юга – горной цепью Танну-Ола, с запада – Алтайскими горами, с востока – хребтом Сенгилен [Донгак, 2018, с. 142].

Другими словами, горы как естественные преграды выступали наподобие шибэ. В силу этого слово «шибэ» равным образом употреблялось и в номинации гор, например «Цаган-Шибэту» в Убсунурье [Грум-Гржимайло, 1914, с. 13–14], «Гурбан-Чибэ» в Прихубсугулье [Санжеев, 1930, с. 48] в значениях «белое ограждение» и «три стены». В то же время для обозначения горных хребтов в монгольском мире зачастую применяют слово *эзээг* – «коса» [Дампилова, 2018, с. 177]. То же самое отмечается в тувинской традиции. Свидетельством чему является гора Кежеге, почитаемая тувинцами-сосянами. При этом интересно предание, связанное с этой горой, согласно которому она получила название от косички воина, выполнявшего на ней функции смотрителя и наблюдателя [Донгак, 2018, с. 136]. Здесь образ стража, несомненно, коррелируется с темой границы, в пределах которой в прошлом возводили шибэ для наблюдения за противником и защиты от нападений.

Думается, в нашем случае под словом *шингэл* (*шэнгэл шэбээ*) – «плетеный», коннотативно связанным со словом «коса», подразумевается также горный хребет, разделяющий свое и чужое пространство. В итоге словосочетание «Шингэл Шибэ Дайда» следует понимать как «край, окруженный цепью возвышенностей», выступающей естественной преградой от внешней опасности и в то же время сочетающейся с тем же защитным назначением сооружений, созданных человеком. И такая особенность природы и культуры более всего характерна для горного ландшафта Саяно-Алтайского региона и Западной Монголии, известных к тому же межгорными котловинами и являвшихся колыбелью многих исторических народов, в том числе сэгэнатов.

«Компатриоты» сэгэнат. Необходимо также отметить, что в качестве прежней родины местность Шингэл Шибэ упоминается в шаманских призываниях других бурятских родов. В частности, у сартулов, шарайтов, хурдутов, хангинов, проживающих в Унгинской и Обусинской долинах Приангарья [Хангалов, 2004а, с. 389, 400; 2004б, с. 179; Манжигеев, 1978, с. 89, 101], хайталов Верхоленья, хара-монголов Приольхонья [Балдаев, 2019, с. 537; ф. 36, оп. 1, д. 882, л. 123].

Полагаем, что исторические истоки многих из них ведут в Убсунурский край или сопредельные с ним районы. В пользу этого говорят соответствующие названия этнических групп северо-западной Монголии – сартулы, шарайты в составе баятов [Нанзатов, 2013, с. 147]. Хурдутов сближает с Убсунурьем упоминаемая в их преданиях монгольская прародина – местность Хара-Дархад [Хангалов, 2004а, с. 398]. Название, по всей видимости, коррелирует с обозначением этнической группы монголов, известной как «хар дархад» («черные дархаты») или «дархад» [Очир, 2016, с. 72]. Отсюда – Дархатская котловина, расположенная в Западном Прихубсугулье [Нямху, 2012, с. 179], в район которой в конце XVII в. дархаты переселились «из местности, лежащей на запад от оз. Косогол» [Санжеев, 1930, с. 6, 8, 11], т. е. из Убсунурья. Поэтому позволительно думать, что общая этническая основа хурдутов и дархатов сложилась именно в границах данного региона. К этому добавим, что сами «дархаты упорно считают себя в историческом своем прошлом братьями урянхайцев (“уйгуров”, как дархаты называют урянхайцев/сойотов). Дархатские шаманы призывают своих духов на урянхайском языке», который в то же время (под названием «уйгурский») является родным языком прихубсугульских сойотов, идентифицирующих себя, соответственно, уйгурами, но позабыт окинскими (присаянскими) сородичами [Санжеев, 1930, с. 7, 13, 56]. Во всяком случае, в этногенезе дархатов явно проявляется тюркский пласт, характерный для части населения Убсунурья и соседних с ним районов.

С дархатами в то же время, видимо, связано происхождение хангинов. Шаманы последних, как пишет С. П. Балдаев, свою родословную вели от племени «хибэдэг хара монгол» (досл. «изъедающий черный монгол» [Шагдаров, Черемисов, 2010б, с. 421]), кочевавшего в Прихубсугулье недалеко от современной границы Монголии и России. К тому же хангины в недавнем прошлом часто посещали прежнюю родину, проезжая через приграничный пункт Ханга (современный Ханх) [Балдаев, 1961, с. 35; Санжеев, 1930, с. 15, 21]. Гостили у сородичей и привозили оттуда даже шаманов, посвящавших молодых шаманов хангинского рода [Балдаев, 1961, с. 35]. Однако заметим, что в начале XX в. в этническом составе населения Прихубсугулья, подробно изученном монголоведом Г. Д. Санжеевым,

вышеуказанные «хибэдэг хара монголы» не упоминаются. Основное этническое население региона состояло из дархатов, сойотов и весьма незначительного количества собственно монгольских элементов – ойратов, бурят, халха [Санжеев, 1930, с. 13, 21].

Тем не менее немногочисленные монголы составляли лидирующую группу, продолжительное время находившуюся в тесных контактах с дархатами и частью смешавшуюся с ними. Результатом взаимодействия стала языковая ассимиляция дархатов, идентификация ими себя как монголов [Санжеев, 1930, с. 7, 13]. Следовательно, обозначение *хибэдэг хара монгол* связано с дархатами, выступающими под этим наименованием соплеменниками бурятских хангинов. И надо заметить, что именно дархаты к тому же являются единственными шаманистами в монгольском буддийском регионе, у которых шаманы продолжали сохранять свои позиции в религиозной жизни народа [Санжеев, 1930, с. 41] и общие родовые культы с хангинами, тем самым вызывая у последних потребность в своих специфических услугах. Таким образом, общность дархатов и хангинов имеет глубокие корни и, скорее всего, обязана своим происхождением убсунурскому периоду их истории.

Что касается хайталов, то на убсунурские истоки их происхождения указывает урянхайский корень [Балдаев, 2019, с. 537, 538], а у хара-монголов – тюркский язык их предков. Шаманы последних, например, обращались к духам-прародителям со словами:

*Шэнгэл шэбээ дайдаган
Шэихэ монгол газартан
Уйһан ехэ забитан
Уйгар ехэ хэлэтэн.*

*Имеющие Шингэл Шэбэ местность,
Владеющие Шишихэ – монгольским краем,
Обладающие берестяными большими лодками,
Говорящие на уйгурском великом языке.*
[Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 882, л. 123].

Упоминаемое в обрядовом тексте водное средство, очевидно, указывает на рыболовное занятие предков хара-монголов и местность, богатую водоемами. Примечательно, что такой район, известный в прошлом как «озерный», находится на юго-востоке Тувы, в районе оз. Тере-Холь, верхнего течения р. Каа-Хем (Малого Енисея) и его притоков [Потанин, 1883, с. 120]. Неудивительно, что с этим районом связано издавна живущее там тувинское племя *балыкчы* («рыбаки») [Вайнштейн, 1957, с. 190], получившее этноним в результате рыболовного занятия [Айыжы, Конгу, 2013, с. 8]. Можно сказать, что данное обстоятельство контекстно сближает хара-монголов с балыкчы, в том числе и единством языка их предков, что может указывать на общность происхождения. Относительно имени *хара-монгол* («черный монгол») следует сказать, что его наличие, возможно, у тюркской по происхождению группы, оказавшейся в бурятской среде, скорее всего, обусловлено ее пребыванием в прошлом в зоне непосредственного влияния монголов. В пользу этого свидетельствуют известные факты из истории Центральной Азии. Например, «при усилении в данном регионе какого-либо одного племени (хунну, сяньби, тюрки, монголы) соседние племена, причем соседи, зачастую весьма отдаленные территориально, вошедшие в систему властных полномочий нового образования, нисколько не сомневаясь, брали себе название народа-победителя» [Бураев, 2017, с. 6]. Таким образом, анализ представленного материала не оставляет сомнений в том, что бурятские группы сартулы, шарайты, хурдуты, хангины, хайталы, хара-монголы имеют с сэгэнутами общие исторические и географические истоки.

Этнические предки сэгэнатов – уйгуроязычные урянхайцы. В связи с выявленной прародиной сэгэнатов (и некоторых бурятских родов) важно определиться во взгляде на этнические истоки бурятской группы, поскольку территория их происхождения (Убсунурский край) начиная с XII в. была контактной зоной монгольских и тюркских этносов, о чем свидетельствуют письменные и археологические материалы [Вайнштейн, 1957, с. 190]. Следовательно, ранние сэгэнатуы могли быть либо монголами (ойратами), либо тюрками.

Полагаем, что некоторые ответы на проблему этногенеза бурятской группы может дать устная традиция. Хотя и здесь существует неопределенность в представлении об этнических корнях сэгэнатов.

Согласно родословным преданиям бурят, сэгэнатов соотносят с олетами [Хангалов, 2004в, с. 70, 78] или зунгарами [Балдаев, 2019, с. 322], т. е. джунгарами (ойратами). Но в то же время проявляется связь с урянхайской (тюркской) основой. Например, онгон (дух-предок) сэгэнутского шамана из Верхоленья, вселившись в него, пел о своей родине таким образом:

*Урянха гэжи дайдани урин даллан
байналда, урянин байин амитанин хана
яана ошоима.*

*Урянхайская земля призывает, зовет,
прежде жившие там люди в разные
стороны разошлись.*

[Маласагаев, ф. 362, оп. 1, д. 20, л. 5].

Отметим также, что урянхайское происхождение упоминается в совместном сэгэнутско-хайтальском почитании родовых божеств [Балдаев, 2019, с. 536] и духов-предков, говоривших на уйгурском языке:

*...Удхалахан удхатнай,
Унгилхан түүхэтнай
Шэнгэл шэбээ дайдатан,
Шишхэ монгол угтан,
Уйгар хэлээр уйгарлаашан,
Татаар хэлээр талмайраашан!..*
[Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 830, л. 25].

*...Происхождение ваше,
Начало вашей истории –
Шингэл Шибэ местность,
Шишхэ монгольский корень,
Уйгурской речью говорившие,
Татарским языком владевшие!..*
(перевод наш. – С. Б., Е. Б.).

Таким образом, упомянутый язык предков бурятских «джунгаров» свидетельствует об определенной этнокультурной близости к некоторым вышерассмотренным родам, выступавшим в прошлом соплеменниками урянхайцев-тюрков.

В связи с вышесказанным нельзя не упомянуть, что урянхайцы как этническая общность известны в истории с XIII в. В «Сборнике летописей» Рашид-ад-дина они представлены двумя группами, отличавшимися местами проживания и укладом жизни [1952, с. 123, 156]. Первая жила в районе р. Онон, горы Бурхан-Халдун, Хинганских гор на востоке, другая – в районе гор Саяны и Танну-Ола [Лхагвасурэн, 2013, с. 9]. Судя по описанию, быт второй группы («лесных урянкатов») соответствовал этнической культуре горнолесных этнических групп современного тувинского народа [Ушницкий, 2020, с. 150]. В позднем средневековье термином «урянхай» обозначались тюркоязычные обитатели Саяно-Алтайских гор. Но в XIV–XVII вв. урянхайцами назывался монголоязычный народ, образовавшийся после падения Монгольской империи. В ходе междоусобных войн он был раздроблен и его осколки вошли в состав других племенных объединений – джунгаров, чахаров, халха и тувинцев [Ушницкий, 2020, с. 150]. Отсюда урянхайцев принято делить на две общности: монголов, более известных как алтайские урянхайцы, и тюрков – енисейских урянхайцев [Эрдэнэболд, 2012, с. 10; Лхагвасурэн, 2013, с. 3–5].

В XIX в. русские исследователи писали о них таким образом: «...урянкайцы подразделяются на две весьма различные группы: одна занимает бассейн Верхнего Енисея, переходя немного даже на юг от хребта Танну-ола, а другая – высокогорную область в Южном Алтае. Алтайские же урянхайцы говорят на монгольском наречии и отличаются, кроме того, от енисейских бытом и религией: алтайские – буддисты, а енисейские – большей частью язычники» [Певцов, 1951, с. 108]. Последние же представляют «...племя, говорящее тюркско-татарским языком в северо-западной Монголии... занимает узкую полосу вдоль нашей государственной границы от вершин Кобдо на западе до Косогола и далее... Название урянхай придают этому народу Монголы, сами же они зовут себя Туба или Тува» [Потанин, 1881, с. 7].

В то же время некоторые из тувинцев именовались уйгурами (см. выше) и представлялись родоплеменными этнонимами, которые воспринимались соседями как названия всего народа. К примеру, сойот, чооду (ср. тофаларское чооды – «тувинец» [Рассадин, 2005а, с. 119]). Тем не менее для соседей (монголыязычных групп) все перечисленные тюркские этнические образования чаще всего были известны под именем урянхайцев, о чем, например, свидетельствуют русские источники XVII – начала XX в. [Ушницкий, 2020, с. 150] и данные, например, этнографии бурят, как правило, применявшие в отношении сойотов, тофаларов и тувинцев название «урянкад, либо уйгар, либо уйгар хэлэтэн – уйгуроязычные» [Рассадин, 2005б, с. 18]. Отсюда под урянхайцами большей частью подразумеваются этнические группы тюркского круга и в отдельных случаях монгольские элементы, при этом географически соприкасавшиеся с первыми на территории Западной Монголии.

Этим, думаем, также можно объяснить уйгуроязычность предков сэгэнзут, происходивших из района, сопоставимого с территорией енисейских урянхайцев. Об этом же в преданиях сэгэнзут сигнализирует упоминание р. Хэм (Енисей), также (как Хобдо, Убсу-Нур и пр.) связанной с ареалом их прежних кочевков [Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 893, л. 23], отраженное в шаманском призывании, в обшем-то, Урянхайским краем – Шингэл Шибэ:

*...Гарахан түрэнэн дайдатнай
Шингил шэбээ Урайнха дайда...*

*...Местность, где вы родились,
Шингэл Шибэ – Урянхайский край...
[Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 830, л. 8].*

Кроме того, в пользу данного соображения указывает тот факт, что сэгэнзуты уже в первой половине XVII в. населяли Предбайкалье [Окладников, 1937, с. 270]. Следовательно, время их миграции подпадает предположительно на период XV–XVI вв., а в этот момент собственно ойраты локализовались преимущественно в районе Монгольского Алтая и прилегающих к нему территорий. На севере они не достигали ни Алтая, ни Тувы. Эти районы, как пишет Л. П. Потапов, совершенно не входили в территорию кочевых ойратов [1969, с. 92].

Эти же данные, в свою очередь, определенно указывают на участие в этногенезе сэгэнзут тюркоязычного элемента, возможно, близкого сойотам и чооду (или чооды), проживающих в своей основной массе в Восточной Туве (частью на Алтае, известных как телеутские чооты/джооты) [Потапов, 1969, с. 35]. На эту мысль наводит не только географическое происхождение сэгэнзут, но также их спаянность с бурятскими группами содойцев (*соодой*) и хойботов (*хойбо*), причем родственными между собой [Балдаев, 2019, с. 257], с которыми они составляли единое Содо-Хойботское административное и этнолокальное объединение

на Верхней Лене. Примечательно, что помимо них в него входили роды как раз с алтайскими/джунгарскими корнями – хайтал, дурлай, тугут, торгоут, боронут и зунги [Нанзатов, 2018, с. 57]. Это же касается содойцев и хойботов, являющихся, согласно историческим преданиям, тоже выходцами из Джунгарии [Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 867, л. 11], пришедших в Верхоленье с олетским Гэнэн-хутухтой еще задолго до прихода русских [Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 883, л. 24; Хангалов, 2004в, с. 67].

Судя по району происхождения и неслучайной спаянности содойцев и хойботов с сэгнутами, первые своими корнями, как и вторые, видимо, связаны с енисейскими урянхайцами, в частности с чооду и сойотами. В пользу этого указывает сходство этнонимов. Полагаем, что ранняя миграция в Верхоленье отдельных ветвей чооду и сойотов, их длительное пребывание в окружении бурятского племени эхиритов, тесные взаимоотношения между ними привели, во-первых, к включению мигрантов в родовую структуру этникоза, о чем свидетельствуют отдельные версии родословной [Балдаев, 2019, с. 257], а во-вторых, к языковой ассимиляции. Последнее обстоятельство, несомненно, могло повлиять на преобразование изначального имени чооду/чооды в бур. *соодой-соодэй*.

Следует отметить, что варьирование фонем *ч↔с* в начале слова обусловлено языковыми особенностями. Например, тюркским языкам – тувинскому, алтайскому – свойственен звук *-ч*, монгольским и бурятскому – *-с*. В частности, тув. *чечек* – «цветок», *чиге* – «прямой//прямо» [Тувинско-русский ... , 1968, с. 523, 530–531]; бур. аналоги *сэсэг, сэхэ* [Шагдаров, Черемисов, 2010б, с. 211–212]. Далее, алт. *чана* – «лыжи», *чач* – «разбрызгивать, разбрасывать», *чачак* – «кисть, кисточка», *чорго* – «дугообразная трубка для выгонки водки» [Ойротско-русский ... , 1947, с. 176, 178, 180]; бур. эквиваленты с теми же значениями – *сана, саса, сасаг, сорго* [Шагдаров, Черемисов, 2010б, с. 145, 150, 182]. Что касается окончания *-у/-ы* в тюркских вариантах этнонима, то оно, на наш взгляд, в бурятском языке перешло в непродуктивный суффикс с уменьшительным значением *-ой/-эй* (*олзой* – «доход» от *олзо* – «находка» [Митрошкина, 2013, с. 65]; *убгэй* – «дедушка» от *убгэн* – «старик» и т. д. [Семенова, 2005, с. 71]).

Что касается наименования «хойбот» (*хойбо* + суффикс мн. ч. *-т*), то оно наряду с именем *хойт/хоет* употребляется у бурят в обозначении сойотов [Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 883, л. 52; д. 882, л. 100]. Следовательно, данный вариант имени, как и первый, можно считать бурятским названием этнических групп тюрков/урянхайцев, частью оказавшихся в Верхоленье. В итоге общие истоки содойцев и хойботов, их схожая история стали основой оформления генеалогического родства между ними, зафиксированного устной традицией [Балдаев, 2019, с. 257], и одновременно обусловили территориальное единство с сэгнутами, представляющими собой самостоятельную и вкуче родственную к указанным родам группу.

Рассмотренное, таким образом, логично объясняет, почему в некоторых бурятских преданиях и представлениях (даже начала XX в.) сэгнута выставлены урянхайцами. Варианты – «северные», «южные» [Маласагаев, ф. 362, оп. 1, д. 20, л. 9], «белые» урянхайцы [Балдаев, 2019, с. 294]. При этом названия *сэгэнут* и *урянхай* в какой-то мере выступают по отношению друг к другу этническими синонимами. Это видно по тем же преданиям, повествующим, с одной стороны, о сэгнутах, с другой – об урянхайцах. И те и другие связаны с мало отличающимися друг от друга нарративными фрагментами, отражающими миграцию в

Предбайкалье с обозначением оз. Байкал, бассейна р. Ангары или Куды, Урянхайской степи, р. Лены и столкновения с местными племенами [Балдаев, 2019, с. 258; Овчинников, 1916, с. 388].

Таким образом, нетрудно заметить этнические истоки сэгэнутов, тяготеющие к тюркскому кругу, в пользу которого свидетельствует и то, что их родовые шаманы, подобно тунгусским шаманам, обладали так называемым черным корнем («хара/муухай утха») [Маласагаев, ф. 362, оп. 1, д. 20, л. 3], маркирующим в бурятской традиции чужеродность. В основе носители этого корня принадлежали к родам иноплеменного/иноэтничного происхождения [Болхосоев, 2016, с. 48, 132]. Кстати, урянхайское происхождение («урьянха удха») сэгэнутов [Балдаев, 2019, с. 536–537] в шаманской традиции бурятов и является разновидностью черного корня, присущего, разумеется, черному (чужеродному) шаману [Болхосоев, 2016, с. 48]. При этом интересно отметить то, что в сакральных текстах сэгэнутов (отождествляемых устной традицией бурят с западными монголами) не обнаруживаются упоминания предков (прародителей) конкретно зунгарского, олетского происхождения, корня от ойратского шамана или шаманки, духовонгонов, унаследованных от зунгаров, дербетов, торгоутов и т. д. Между тем такого плана шаманские сведения имеются относительно урянхайцев-тюрков.

Время миграции сэгэнутов и джунгарских босхулов. Что касается времени переселения сэгэнутов в Предбайкалье, то его разбор начнем с ойратской версии происхождения сэгэнутов, получившей наибольшую популярность в бурятских преданиях, а потом перешедшей в литературу. В ее оформлении, как мы полагаем, важную роль сыграла история вхождения в состав бурят немалого числа выходцев из Западной Монголии. Если судить по распространенности у бурят названий «зунгар» и «олет», употреблявшихся в отношении переселенцев, то основной поток мигрантов, видимо, пришелся на XVII–XVIII вв. – эпоху массовых перемещений людей, вызванных военно-политическим усилением ойратов, которые под предводительством ведущего объединения джунгаров/зунгаров, по-другому, олетов [Санчилов, 2013, с. 11; Лхагвасурэн, 2013, с. 9], создали мощное кочевое государство, распространившее свое влияние на многие регионы Центральной Азии, в том числе на районы Западной Монголии и Южной Сибири. В историю оно вошло под названием «Джунгарское ханство», просуществовавшее с первой половины XVII – до середины XVIII в. [Златкин, 1983, с. 106, 302].

При этом собственно джунгаров (зунгаров/олетов), прибывших в Предбайкалье, видимо, было немного. Ими были зунгары и близкие к ним торгоуты* [Балдаев, 2019, с. 33]. Первые, согласно письменным источникам, появились в регионе в конце XVII в. [Окладников, 1937, с. 270]. Возможно, они представляли ответвление зунгаров, переселившихся в Западную Монголию во времена правления джунгарского хана Галдан-Бошогту (1671–1697 гг.). Известно, например, что часть зунгаров, недовольные его правлением, бежали к халха-монголам и в другие края [Очилов, 2010, с. 11].

Пришествие вторых, предположительно, связано с тем же периодом, запомнившимся в истории войной хана Галдан-Бошогту с монгольскими правителями Халхи, имевшей место в 1688 г., и последующим поражением ойратов от маньчжуров [Златкин, 1983, с. 154, 208]. Вероятнее всего, принимавшие в тех событиях

---

* Отметим, что они с дербетами, хошеутами, хойтами и другими составляли костяк ойратов [Санчилов, 2013, с. 12], получивший в бурятской традиции обобщенное название «олет» (*өөлэд*) [Санжеев, 1930, с. 13]

участие торгоуты, впоследствии частью оказавшись среди сэгэнутов (см. выше), вполне могли отразить указанные моменты в совместном фольклорном творчестве. Поэтому полагаем, что представленное в преданиях сэгэнутов упоминание о «галдановской» войне, якобы считающейся ими причиной их миграции [Балдаев, 2019, с. 323, 329], является заимствованием и отражением взаимоотношений с торгоутами. Основанием для такого мнения выступают исторические факты, свидетельствующие о том, что сэгэнуты значительно ранее начала указанных войн прибыли в Предбайкалье и участия в тех событиях не принимали. По данным письменных источников, они в 1660-х гг. кочевали по Унге и Лене и находились в зоне влияния русских острогов [Окладников, 1937, с. 130–131, 270].

Относительно этнического происхождения других пришлых групп (поздней джунгарской волны (абаганар, зунги и пр.) [Балдаев, 2019, с. 33]) сказать что-либо определенное сложно, поскольку требуется специальный анализ, но географические истоки объединяют их с районами бывшей Джунгарии. Впрочем, это же касается сэгэнутов, хайталов, боронутов и прочих алтайских, убсунурских, енисейских выходцев, которых «зовут зунгарскими» [Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 883, л. 87; д. 830, л. 44; 2019, с. 33]. Следовательно, дефиниция сэгэнутов как зунгаров/олетов прежде всего отражала географическую принадлежность к ойратам, а не этническую.

Из вышесказанного следует, что соотнесение сэгэнутов с зунгарами/олетами возникло в позднее время и оно продиктовано, как сказано, инкорпорацией в состав бурят различных джунгарских групп. В результате данного взаимодействия сложились такие условия, при которых история и генеалогические предания объединившихся групп переплелись, что привело к появлению идеи об общности происхождения и общего прошлого [Тулохонов, 1989, с. 164].

При этом следует отметить, что в отношении поздних джунгарских выходцев бурятами употреблялось обозначение «босхул»/«бодхул» – «перевежчик», «беглец» [Балдаев, 2019, с. 25, 33; ф. 36, оп. 1, д. 828, л. 33], говорящее об их принадлежности к незначительным по численности разрозненным фрагментам, не представлявшим собой единого социума. В противоположность этому ранние пришельцы – сэгэнуты, согласно преданиям, являлись воинственной, многочисленной и сплоченной общностью, занимавшей среди родов и племен Предбайкалья доминирующее положение. Это позволяло им совершать грабительские набеги на местные племена, истреблять и обращать их в рабство [Балдаев, 1961, с. 76; 2019, с. 72; Хангалов, 2004в, с. 78]. Потом гегемония сэгэнутов была прервана по причине их противостояния с другими формированиями, осуществившими в отношении них массовое убийство. В результате этого сэгэнутское объединение распалось на отдельные осколки, скрывшиеся по окраинам Предбайкалья [Балдаев, 2019, с. 328; Хангалов, 2004в, с. 78].

Иными словами, в ранний период своей истории сэгэнуты относились, скорее, к категории интервентов (завоевателей), нежели к беженцам (босхулам) и попытки их экспансии, видимо, были успешными до определенного времени. Но затем, поглощенные более сильным объединением (или группами), они становятся одним из его основных этногенетических элементов. В пользу этого указывают генеалогические предания бурят, сообщающие о широком участии сэгэнутов в этногенезе народа [Балдаев, 2019, с. 54, 265, 330, 338]. Что, в свою очередь, говорит об их раннем пришествии в Предбайкалье, ориентировочно в

XV–XVI вв. В этот период, скорее всего, шло сложение бурятских племен, поскольку в XVII в., судя по историческим документам, основные объединения были сформированы [Окладников, 1937, с. 270, 277; Долгих, 1953, с. 44, 51, 55].

Что же касается причин переселения сэгэнатов в Предбайкалье, то они могли быть связаны с разными обстоятельствами. Достоверно установить их не представляется возможным ввиду отсутствия исторических источников. Фольклорный материал повествует зачастую лишь о войне, произошедшей на прежней родине сэгэнатов, вынудившей их переместиться в другой регион [Балдаев, 2019, с. 321]. В таком случае можно лишь предполагать, что немалую роль в смене местожительства предков сэгэнатов сыграли обстоятельства, обусловленные нестабильной ситуацией в Западной Монголии в XV–XVI вв., возможно, связанной со стремлением ойратов расширить свои пастбищные территории за счет соседа [Златкин, 1983, с. 42], приводившим к междоусобицам, военным действиям и грабежам. Это в итоге вызывало отток населения в другие местности, как ойратов [Санчилов, 2013, с. 9], так и, возможно, их тюркских соседей – урянхайцев.

Заключение

Таким образом, в результате исследования была определена территория первоначального формирования сэгэнатов – Убсунурская котловина с ее примечательными географическими и культурными объектами, запечатленная в родовых преданиях и легендах сэгэнатов, а также в ритуальных текстах, представляющих собой сакральную историю рода. Это же дало основание полагать, что сэгэнаты не автохтоны Предбайкалья, а мигранты. Об этом сообщают география прародины сэгэнатов, топонимика (Алтай, Хан-Хухэй, Убсу-Нур и пр.), сохранившаяся в их фольклоре, этнические наименования (урянхай, олет, сойот и т. д.), характерные для районов Западной Монголии и верховьев Енисея.

Проведенный анализ этнической основы бурятской группы прояснил вопрос о генезисе сэгэнатов. Выявлен элемент урянхайского (тюркского) корня, также проявляющийся у других групп мигрантов. Существенным аргументом в пользу этого является указание на уйгурский язык, бытовавший у предков сэгэнатов и запечатленный их шаманской традицией. В связи с этим подчеркнем, что язык является одним из базовых элементов в этнической самоидентификации. Он выделяется как ключевой фактор в определении этнической группы в разных научных концепциях. При этом нельзя не отметить маркировку сэгэнатов как урянхайцев в фольклоре, представлениях и традиции бурят, также отражающей принадлежность к кругу тюркских этносов. Это склоняет нас к мысли, что сэгэнаты являются обурятившимися потомками тюркоязычной этнической группы.

Отсюда сомнение вызывает ойратская версия происхождения сэгэнатов, популярная в литературе. Кроме их легендарного соотнесения с зунгарами/олетами и географической привязки к историческому району проживания последних (Джунгарии), других подтверждающих данных нет. Не указывает на ойратское происхождение и сам этноним сэгэнатов, хотя другие названия бурятских групп западномонгольского происхождения, например зунгар и торгоут, свидетельствуют об определенной этнической близости к ойратам. Кстати, нелишне будет сказать об олетских группах, дисперсно расселенных в разных районах Монголии и Китая, сохранивших самоназвание, отражающее связь с исконной этнической основой [Нанзатов, 2020, с. 117]. В связи с этим выдвинута версия о более

раннем времени миграции сэгэнутских предков, не связанной с поздней джунгарской волной XVII–XVIII вв. Вероятным временем их исхода из Убсунурья предполагается эпоха XV–XVI вв., когда они, возможно, спровоцированные нестабильной ситуацией в обитаемом районе, вынуждены были переселиться в Предбайкалье и принять участие в образовании будущего бурятского народа.

Источники

- Балдаев С. П. Буряты. О бурятах племени хонгодор // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 828. Л. 33.
- Балдаев С. П. Родо-племенная структура кударинских бурят-монголов. 1952 г. // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 830. Л. 8, 25, 44.
- Балдаев С. П. Происхождение и расселение ольхонских бурят. 1913–1942 гг. // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 883. Л. 24, 52, 87.
- Балдаев С. П. Буряты Качуга. 1973 г. // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 864. Л. 73.
- Балдаев С. П. Ленские буряты. 1963 г. // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 867. Л. 9, 11.
- Балдаев С. П. Генеалогия, легенды и предания ольхонских бурят. 1946 г. // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 882. Л. 100, 123.
- Балдаев С. П. Шаманство // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 893. Л. 23.
- Балдаев С. П. Шаманство // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1017. Л. 10, 27.
- Маласагаев М. «Предания о родах Сэгэнут, бомол, об урянхайском шамане-людооде Ненгарме» // Государственный архив Республики Бурятия. Ф. 362. Оп. 1. Д. 20. Л. 2, 3, 5, 9.

Sources

- Baldaev S. P. Buryaty. O buryatakh plemeni khongodor [Buryats. About the Buryats of the Hongodor tribe]. *Tsentr vostochnykh rukopisei i ksilografov Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN [Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts of the Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS]*. Fund 36, Inventory 1, Case 828, p. 33. (In Russ.)
- Baldaev S. P. Rodo-plemennaya struktura kudarinskikh buryat-mongolov. 1952 g. [Tribal structure of the Kudarín Buryats-Mongols. 1952]. *Tsentr vostochnykh rukopisei i ksilografov Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN [Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts of the Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS]*. Fund 36, Inventory 1, Case 830, p. 8, 25, 44. (In Russ.)
- Baldaev S. P. Proiskhozhdenie i rasselenie olkhonskikh buryat. 1913–1942 gg. [Origin and settlement of the Olkhon Buryats. 1913–1942]. *Tsentr vostochnykh rukopisei i ksilografov Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN [Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts of the Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS]*. Fund 36, Inventory 1, Case 883, p. 24, 52, 87. (In Russ.)
- Baldaev S. P. Buryaty Kachuga. 1973 g. [The Buryats of Kachug. 1973]. *Tsentr vostochnykh rukopisei i ksilografov Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN [Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts of the Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS]*. Fund 36, Inventory 1, Case 864, p. 73. (In Russ.)
- Baldaev S. P. Lenskie buryaty. 1963 g. [Lena Buryats. 1963]. *Tsentr vostochnykh rukopisei i ksilografov Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN [Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts of the Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS]*. Fund 36, Inventory 1, Case 867, p. 9, 11. (In Russ.)
- Baldaev S. P. Genealogiya, legendy i predaniya olkhonskikh buryat. 1946 g. [Genealogy, legends and traditions of the Olkhon Buryats. 1946]. *Tsentr vostochnykh rukopisei i ksilografov Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN [Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts of the Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS]*. Fund 36, Inventory 1, Case 882, p. 100, 123. (In Russ.)
- Baldaev S. P. Shamanstvo [Shamanism]. *Tsentr vostochnykh rukopisei i ksilografov Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN [Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts of the Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS]*. Fund 36, Inventory 1, Case 893, p. 23. (In Russ.)
- Baldaev S. P. Shamanstvo [Shamanism]. *Tsentr vostochnykh rukopisei i ksilografov Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN [Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts of the Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS]*. Fund 36, Inventory 1, Case 1017, p. 10, 27. (In Russ.)
- Malasaeva M. "Predaniya o rodakh Segenut, bomol, ob uryankhaikom shaman-lyudoede Nengarme" ["Legends about the Segenut, bomol, and the Urianhai can-

nibal shaman Nengarma"]. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buryatiya [State Archive of the Republic

of Buryatia]. Fund 362, Inventory 1, Case 20, p. 2, 3, 5, 9. (In Russ.)

Список литературы

- Айбжы Е. В., Конгу А. А. Родоплеменные группы тувинцев Тождинского района Республики Тува на современном этапе (по материалам полевых исследований) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2013. № 4 (80). Ч. 1. С. 3–10.
- Балдаев С. П. Избранное. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1961. 178 с.
- Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ : NovaPrint, 2019. 720 с.
- Баярсайхан Б., Бавуу-Сюрюн М. В. Монголизмы в тувинских топонимах: сопоставительный анализ географических названий сумона Цэнгэл Баян-Улгэяйского аймака Монголии и Тувы // Новые исследования Тувы. 2018. № 3. С. 215–225. <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.14>
- Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2008. 776 с.
- Болхосоев С. Б. Избранничество: феномен шаманской наследственности *удха* у предбайкальских бурят. Улан-Удэ : ИПК ФГБОУ ВО ВСГИК, 2016. 247 с.
- Болхосоев С. Б. Семантика названия монгольского музыкального инструмента «морин хур» // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16, № 2. С. 81–89. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-81-89>
- Бураев А. И. Этноархеология Байкальского региона (вопросы комплексности и интеграции исследований) // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2017. № 4 (4). С. 5–10.
- Вайнштейн С. И. Очерк этногенеза тувинцев // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1957. Вып. 5. С. 178–214.
- Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Описание природы этих стран. СПб., 1914. Т. 1. 569 с.
- Дампилова Л. С. Семантика этноментальных оронимов в эпосе монгольских народов // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 1. С. 175–180. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2018-13-1-175-180>
- Дашибалов Б. Б. Археологические памятники курькан и хори. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1995. 191 с.
- Долгих Б. О. Некоторые данные к истории образования бурятского народа // Советская этнография. 1953. № 1. С. 38–63.
- Донгак А. С. Топонимические предания и легенды Юго-Восточной Тувы: локальное своеобразие в русле межкультурных контактов // I Сибирский форум фольклористов : тез. докл. Новосибирск, 2016. С. 54–56.
- Донгак А. С. Топонимические предания и легенды Юго-Восточной Тувы // Новые исследования Тувы. 2018. № 3. С. 126–147. <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.9>
- Звонов Б. М., Букреев С. А., Болдбаатар Ш. Птицы Монголии. Ч. 1. Неворобьиные (*Non-Passeriformes*). М. : Сельскохозяй. технологии, 2016. 396 с. <https://doi.org/10.7868/S0044513418060090>
- Златкин И. Я. История Джунгарского ханства 1635–1758. М. : Наука, 1983. 333 с.
- Килуновская М. Е. Археологические памятники на границе Тувы и Монголии (проблемы культурной принадлежности и хронологии) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2018. № 1 (21). С. 35–54.
- Коновалов П. Б., Цыбикдоржиев Д. В. Исторический Баргуджин-Токум – исконная родина бурятского народа // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 19. С. 129–150.
- Лхагвасурэн И. Алтайские урянхайцы. Историко-этнографические очерки (конец XIX – начало XX в.) / пер. с монг. М. В. Монгуш. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 178 с.
- Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М. : Наука, 1978. 127 с.
- Митрошкина А. Г. Словарь бурятских личных имен. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. 200 с.
- Мир Убусунурский котловины: альбом. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1994. 155 с.
- Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск : Наука, 1980. 320 с.
- Нанзатов Б. З. Этногенез западных бурят (VI–XIX вв.). Иркутск : Радян, 2005. 159 с.
- Нанзатов Б. З. Этнический состав и расселение народов Монгольского Алтая и Прихубсугуля в начале XX века // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. Т. 2. С. 138–151.
- Нанзатов Б. З. Иркутские буряты в XIX веке : этнический состав и расселение. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. 224 с.
- Нанзатов Б. З. Потомки Элюдя: проблема ойратско-бурятских этнических связей // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, № 4. С. 116–124. <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2020.48.3.116-124>
- Нямху М. Рельеф Дархатской котловины // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 356. С. 179–182.
- Овчинников М. П. Отчет о командировке в г. Киренск для осмотра архивов, от Иркутска до Киренска // Труды Иркутской архивной комиссии. Иркутск, 1916. Вып. 3. С. 333–389.
- Ойротско-русский словарь / сост. Н. А. Баскаков, Т. М. Тошцакова. М. : ОГИЗ, 1947. 312 с.
- Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л. : ОГИЗ, 1937. 427 с.
- Очир А. Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. Элиста : КИГИ РАН, 2016. 286 с.
- Очиров У. Б. Ойраты западной Монголии и северо-западного Китая: вопросы этнической истории, демографии и географии расселения во второй половине XVIII в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. Т. 3. № 2. С. 9–15.

- Павлов Е. В. Сэгзнуты-олёты в этнической истории предбайкальских бурят // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Элиста, 2007. С. 13–21.
- Певцов М. В. Путешествие по Китаю и Монголии. М.: Географгиз, 1951. 284 с.
- Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 2. Материалы этнографические: 1867–1877. СПб., 1881. 286 с.
- Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879–1880 гг. по поручению Императорского Величества Географического общества. СПб.: Типография Безобразова и К., 1883. 372 с.
- Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев: историко-этнографический очерк. Л.: Наука, 1969. 196 с.
- Рассадин В. И. Словарь тофаларско-русский и русско-тофаларский: учеб. пособие для уч-ся ср. шк. СПб.: Дрофа, 2005а. 295 с.
- Рассадин И. В. Хозяйство, быт и культуры тофаларов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005б. 191 с.
- Рашид-ад-дин. Сборник летописей / пер. с персид. Л. А. Хетагурова, ред. и прим. А. А. Семенова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1, кн. 1. 221 с.
- Санжеев Г. Д. Дархаты: этнографический отчет о поездке в Монголию в 1927 году. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 69 с.
- Санчиров В. П. К вопросу о дурбэн-ойратском союзе // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. Т. 6, № 2. С. 7–13.
- Семенова В. И. Личные имена эхиритских бурят. Иркутск: Иркут. ун-т, 2005. 190 с.
- Серен П. С. Тувиныцы – оленеводы Монголии. (Материалы по языку и культуре). Кызыл: Тываполиграф, 2016. 160 с.
- Сундуева Е. В. Топонимика Ольхона и Приольхонья (семантика онимических основ). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2010. 128 с.
- Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 648 с.
- Тулохонов М. И. Генеалогические легенды и предания как источник по этнической истории бурят // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск, 1989. С. 164–172.
- Ушницкий В. В. Этноним Угулээт среди вилюйских эвенков // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Элиста, 2007. С. 22–25.
- Ушницкий В. В. Некоторые аспекты изучения этногенеза тувинского народа // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография. С. 146–155. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-5-146-155>
- Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ: Респ. тип., 2004а. Т. 1. 508 с.
- Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ: Респ. тип., 2004б. Т. 2. 312 с.
- Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ: Респ. тип., 2004в. Т. 3. 311 с.
- Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 662 с.
- Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи = Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ: Респ. тип., 2010а. Т. 1: А–Н. 636 с.
- Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ: Респ. тип., 2010б. Т. 2: О–Я. 708 с.
- Эрдэнэболд Л. Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2012. 196 с.

References

- Aiyzhy E. V., Kongu A. A. Rodoplemennye gruppy tuvintsev Tozhdingosko raiona Respubliki Tuva na sovremennom etape (po materialam polevykh issledovaniy) [Today's tuvan tribal groups of the Todzha Region of the Republic of Tuva (based on field studies)]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva* [I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin]. 2013, Vol. 4 (80), Part 1, pp. 3–10. (In Russ.)
- Baldaev S. P. *Izbrannoe* [Favourites]. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1961, 178 p. (In Russ.)
- Baldaev S. P. *Rodoslovnye predaniya i legendy buryat* [Genealogies and legends of Buryats]. Ulan-Ude, NovaPrint Publ., 2019, 720 p. (In Russ.)
- Baskakov N. A., Toshchakova T. M. (eds.). *Oirotskorusskii slovar* [Oirat-Russian dictionary]. Moscow, OGIZ Publ., 1947, 312 p.
- Bayarsaikhan B., Bavuu-Syuryun M. V. Mongolizmy v tuvinskikh toponimakh: sopostavitelnyi analiz geograficheskikh nazvaniy sumona Tsengel Bayan-Ulegeiskogo aimaka Mongolii i Tuvy [Mongolisms in Tuvan Toponyms: A Comparative Analysis of Place-names in Tsengel sum of Bayan-Olgii Aimag, Mongolia with those of Tuva]. *Novye issledovaniya Tuvy* [The New Research of Tuva]. 2018, Is. 3, pp. 215–225. <https://doi.org/10.25178/mit.2018.3.14> (In Russ.)
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. *Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentralnoi Azii i Yuzhnoi Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekoviya i rannego Novogo vremeni (XV — pervaya polovina XVIII v.)* [Armament and Tactics of the Nomads of Central Asia and Southern Siberia during the Late Medieval and Early Modern Ages (15th — first half of the 18th century A.D.)]. St. Petersburg, Faculty of Philology of the St. Petersburg State University Publ., 2008, 776 p. (In Russ.)
- Bolkhosoev S. B. *Izbrannichestvo: fenomen shamanskoi nasledstvennosti udkha u predbaikalskikh buryat* [The chosen one: the phenomenon of shamanic inheritance of udkha from the cis-baikal buryat]. Ulan-Ude, ESSIC Publ., 2016, 247 p. (In Russ.)
- Bolkhosoev S. B. Semantika nazvaniya mongolskogo muzykalnogo instrumenta "morin khur" [Semantics of the name of the Mongolian musical instrument "Morin Khur"]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]. 2020, Vol. 16, Is. 2, pp. 81–89. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-81-89> (In Russ.)
- Buraev A. I. Etnoarkheologiya Baikalskogo regiona (voprosy kompleksnosti i integratsii issledovaniy) [Ethnoarchaeology of the Baikal region (issues of complexity and integration of research)]. *Vestnik Vostochno-*

- Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kultury [Bulletin of the East Siberian State Institute of Culture]*. 2017, Vol. 4 (4), pp. 5–10. (In Russ.)
- Dampilova L. S. Semantika etnomenalnykh oronimov v epose mongolskikh narodov [Semantics of Ethnomenal Oronyms in Epos of the Mongolian People]. *Gumanitarnyi vektor [Humanitarian Vector]*. 2018, Vol. 13, Is. 1, pp. 175–180. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2018-13-1-175-180> (In Russ.)
- Dashibalov B. B. *Arkheologicheskie pamyatniki kurykan i khori [Archaeological sites of Kurykan and Horij]*. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 1995, 191 p. (In Russ.)
- Dolgikh B. O. Nekotorye dannye k istorii obrazovaniya buryatskogo naroda [Some data on the history of the Buryat people]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1953, Vol. 1, pp. 38–63. (In Russ.)
- Dongak A. S. Toponimicheskie predaniya i legendy Yugo-Vostochnoi Tuvy: lokalnoe svoeobrazie v rusle mezhkulturnykh kontaktov [Toponymic legends and legends of South-Eastern Tuva: local identity in line with cross-cultural contacts]. *1 Sibirskii forum folkloristov: tezisy dokladov [1-st Siberian Forum of Folklorists. Abstracts of reports]*. Novosibirsk, 2016, pp. 54–56. (In Russ.)
- Dongak A. S. Toponimicheskie predaniya i legendy Yugo-Vostochnoi Tuvy [Toponymic legends and legends of Southeastern Tuva]. *Novye issledovaniya Tuvy [The New Research of Tuva]*. 2018, Vol. 3, pp. 126–147. <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.9> (In Russ.)
- Erdenebold L. *Traditsionnye verovaniya oirat-mongolov (konets XIX – nachalo XX v.) [Traditional beliefs of Oirat-Mongols (late XIX – early XX centuries)]*. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2012, 196 p. (In Russ.)
- Grumm-Grzhimailo G. E. *Zapadnaya Mongoliya i Uryankhaiskii krai. Opisanie prirody etikh stran [Western Mongolia and the Urianhai Region. Description of the nature of these countries]*. St. Petersburg, 1914, 569 p. (In Russ.)
- Khangalov M. N. *Sobranie sochinenii [Collected works]*. Ulan-Ude, Republican printing house Publ., 2004a, Vol. 1, 508 p. (In Russ.)
- Khangalov M. N. *Sobranie sochinenii [Collected works]*. Ulan-Ude, Republican printing house Publ., 2004b, Vol. 2, 312 p. (In Russ.)
- Khangalov M. N. *Sobranie sochinenii [Collected works]*. Ulan-Ude, Republican printing house Publ., 2004c, Vol. 3, 311 p. (In Russ.)
- Khetagurov L. A. (transl. from Mongol.), Semenov A. A. (ed., notes). *Rashid-ad-din. Sbornik letopisei [A collection of Chronicles]*. Moscow, Leningrad, AN USSR Publ., 1952, Vol. 1, Book 1, 221 p. (In Russ.)
- Kilunovskaya M. E. Arkheologicheskie pamyatniki na granitse Tuvy i Mongolii (problemy kulturnoi prinadlezhnosti i khronologii) [Archaeological sites on the border of Tuva and Mongolia (problems of cultural affiliation and chronology)]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya [Sayan-Altai scientific review]*. 2018, Vol. 1 (21), pp. 35–54. (In Russ.)
- Kononov P. B., Tsi bikdorzhiev D. V. Istoricheskie Bargudzhin-Tokum – iskonnyaya rodina buryatskogo naroda [Historical Bargudzhin-Tocum as the Indigenous Homeland of the Buryat People]. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2017, Vol. 19, pp. 129–150. (In Russ.)
- Lkhagvasuren I. *Altaiskie uryankhaisy. Istoriko-etnograficheskie ocherki (konets XIX – nachalo XX v.) / per. s mong. M. V. Mongush [Altai Uryankhais. Historical and ethnographic essays (late XIX – early XX century). Translated from the Mongolian M. V. Mongush.]*. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2013, 178 p. (In Russ.)
- Manzhigeev I. A. *Buryatskie shamanisticheskie i doshamanisticheskie terminy [Buryat shamanistic and pre-shamanistic terms]*. Moscow, Nauka Publ., 1978, 127 p. (In Russ.)
- Mikhailov T. M. *Iz istorii buryatskogo shamanizma (s drevneishikh vremen po XVIII v.) [History of Buryat shamanism (from ancient times to the 18th century)]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980, 320 p. (In Russ.)
- Mir Ubsunurskoi kotloviny [The world of Ubsunur Hollow]: album. Novosibirsk, SB RAS Publ., 1994, 155 p. (In Russ.)
- Mitroshkina A. G. *Slovar buryatskikh lichnykh imen [Dictionary of Buryat personal names]*. Ulan-Ude, Buryat State University Publ., 2013, 200 p. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z. *Etnogenez zapadnykh buryat (VI–XIX vv.) [Ethnogenesis of Western Buryats (VI–XIX centuries)]*. Irkutsk, Radian Publ., 2005, 159 p. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z. *Etnicheskie sostav i rasselenie narodov Mongolskogo Altaya i Prikhubsuguliya v nachale XX veka [Ethnic Groups and Peoples Resettlement in Mongolian Altai and Khubsugul Region in the Beginning of XX Century]*. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2013, Vol. 2, pp. 138–151. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z. *Irkutskie buryaty v XIX veke: etnicheskii sostav i rasselenie [Irkutsk Buryats in the XIX century: ethnic composition and settlement]*. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2018, 224 p. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z. *Potomki Elyudeya: problema oiratsko-buryatskikh etnicheskikh svyazei [Descendants of Eleudei: The Problem of Oirat-Buryat Ethnic Contacts]*. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]*. 2020, Vol. 48, Is. 4, pp. 116–124. <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2020.48.3.116-124> (In Russ.)
- Nyamkhu M. *Relief Darkhatskoi kotloviny [Relief of the Darkhat Depression]*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*. 2012, Vol. 356, pp. 179–182. (In Russ.)
- Ochir A. *Mongolskie etnonimy: voprosy protiskhozhdeniya i etnicheskogo sostava mongolskikh narodov [Mongolian ethnonyms: questions of the origin and ethnic composition of the Mongolian peoples]*. Elista, KIHRRAS Publ., 2016, 286 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B. *Oiraty zapadnoi Mongolii i severo-zapadnogo Kitaya: voprosy etnicheskoi istorii, demografii i geografii rasseleniya vo vtoroi polovine XVIII v. [Oirats of western Mongolia and northwestern China: issues of ethnic history, demography and geography of settlement in the second half of the 18th century]*. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences]*. 2010, Vol. 3 (2), pp. 9–15. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. *Ocherki iz istorii zapadnykh buryat-*

- mongolov [Essays from the history of the Western Buryats-Mongols]. Leningrad, OGIZ Publ., 1937, 427 p. (In Russ.)
- Ovchinnikov M. P. Otchet o komandirovke v g. Kirensk dlya osmotra arkhivov, ot Irkutsk do Kirenska [Report on a business trip to Kirensk to inspect archives, from Irkutsk to Kirensk]. *Trudy Irkutskoi arkhivnoi komissii [Proceedings of the Irkutsk Archival Commission]*. Irkutsk, 1916, Vol. 3, pp. 333–389. (In Russ.)
- Pavlov E. V. Segenuty-olety v etnicheskoj istorii predbaikalskikh buryat [Segenuts-olets in the ethnic history of Cis-Baikal Buryats]. *Problemy etnogeneza i etnicheskoj kultury tyurko-mongolskikh narodov [Problems of ethnogenesis and ethnic culture of the Turkic-Mongolian peoples]*. Elista, 2007, pp. 13–21. (In Russ.)
- Pevtsov M. V. *Puteshestvie po Kitayu i Mongolii [Travel to China and Mongolia]*. Moscow, Geografiz Publ., 1951, 284 p. (In Russ.)
- Potantin G. N. *Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Materialy etnograficheskie: 1867–1877 [Essays on Northwestern Mongolia. Ethnographic materials: 1867–1877]*. St. Petersburg, 1881, Vol. 3, 286 p. (In Russ.)
- Potantin G. N. *Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Rezultaty puteshestviya, ispolnennogo v 1879–1880 gg. po porucheniyu Imperatorskogo Velichestva Geograficheskogo obshchestva [Essays on Northwestern Mongolia. The results of a journey carried out in 1879–1880 on behalf of the Imperial Majesty of the Geographical Society]*. St. Petersburg, Tipografiya Bezobrazova i K Publ., 1883, 372 p. (In Russ.)
- Potapov L. P. *Etnicheskii sostav i proiskhozhdenie altaisev: istoriko-etnograficheskii ocherk [Ethnic composition and origin of Altaians. Historical and ethnographic essay]*. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 196 p. (In Russ.)
- Rassadin V. I. *Slovar tofalarsko-russkii i russko-tofalarskii. Uchebnoe posobie dlya uchyashchikhsya srednei shkoly [Russian-Russian-Tofalar Dictionary and Russian-Tofalar Dictionary. A textbook for secondary school students]*. St. Petersburg, Drofa Publ., 2005a, 295 p. (In Russ.)
- Rassadin V. I. *Khozyaistvo, byt i kultury tofalarov [Economy, life and culture of Tofalars]*. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2005b, 191 p. (In Russ.)
- Sanchirov V. P. K voprosu o durben-oiratskom soyuze [On the Question of the Durben-Oirat Alliance]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences]*. 2013, Vol. 6, Is. 2, pp. 7–13. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. *Darkhaty: etnograficheskii otchet o poezdke v Mongoliyu v 1927 godu [Darkhats: An ethnographic account of a trip to Mongolia in 1927]*. Leningrad, AN USSR Publ., 1930, 69 p. (In Russ.)
- Semenova V. I. *Lichnye imena ekhiritikh buryat [Personal names of ekhirit Buryats]*. Irkutsk, Irkutsk University Publ., 2005, 190 p. (In Russ.)
- Seren P. S. *Tuvintsy – olenevody Mongolii. (Materialy po yazyku i culture) [Tuvans – reindeer herders of Mongolia. Materials on language and culture]*. Kyzyl, Tyvapoligraf Publ., 2016, 160 p. (In Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkii slovar [Buryaad-orod toli. Buryat-Russian dictionary]*. Ulan-Ude, Republican printing house, 2010a, Vol. 1: A–N, 636 p. (In Buryat; in Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkii slovar [Buryaad-orod toli. Buryat-Russian dictionary]*. Ulan-Ude, Republican printing house, 2010b, Vol. 2: O–I, 708 p. (In Buryat; in Russ.)
- Sundueva E. V. *Toponimika Olkhona i Priolkhoniya (semantika onimicheskikh osnov) [Toponymy of Olkhon Island and Olkhon region (semantics of onymic bases)]*. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2010, 128 p. (In Russ.)
- Tenishcheva E. R. (ed.). *Tuvinsko-russkii slovar [Tuvan-Russian dictionary]*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1968, 648 p. (In Russ.)
- Tsydendambayev Ts. B. *Buryatskie istoricheskie khroniki i rodoslovnye [Buryat Historical Chronicles and Pedigrees]*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house, 1972, 662 p. (In Russ.)
- Tulokhonov M. I. Genealogicheskie legendy i predaniya kak istochnik po etnicheskoj istorii buryat [Genealogical legends and traditions as a source for the ethnic history of the Buryats]. *Einokulturnye protsessy v Yugo-Vostochnoi Sibiri v srednie veka [Ethnocultural processes in Southeastern Siberia in the Middle Ages]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1989, pp. 164–172 (In Russ.)
- Ushnitskii V. V. Etnonim Uguleet sredi vilyuiskikh evenkov [The ethnonym Uguleet among the Vilyui Evenks]. *Problemy etnogeneza i etnicheskoj kultury tyurko-mongolskikh narodov [Problems of ethnogenesis and ethnic culture of the Turkic-Mongolian peoples]*. Elista, 2007, pp. 22–25. (In Russ.)
- Ushnitskii V. V. Nekotorye aspekty izucheniya etnogeneza tuvinskogo naroda [Some Aspects of the Study of the Ethnogenesis of the Tuvan People]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya i filologiya [Vestnik NSU. Series: History and Philology]*. 2020, Vol. 19, Is. (5): Arkheologiya i etnografiya [Archaeology and Ethnography], pp. 146–155. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-5-146-155> (In Russ.)
- Vainshtein S. I. Ocherk etnogeneza tuvintsev [Essay on the ethnogenesis of the Tuvans]. *Uchenye zapiski TNIYaLI [Scientific notes of the Tuvan Research Institute of Language, Literature and History]*. Kyzyl, 1957, Vol. 5, pp. 178–214. (In Russ.)
- Zlatkin I. Ya. *Istoriya Dzhungarskogo khanstva 1635–1758 [History of the Dzungarian Khanate 1635–1758]*. Moscow, Nauka Publ., 1983, 333 p. (In Russ.)
- Zvonov B. M., Bukreev S. A., Boldbaatar Sh. *Ptitsy Mongolii. Chast I. Nevorobinye [Birds of Mongolia. Part I. Non-Passeriformes]*. Moscow, Selskokhozyaistvennye tekhnologii Publ., 2016, 396 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.7868/S0044513418060090>

Сведения об авторах***Болхосоев Станислав Борисович***

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой этнологии и народной художественной культуры, Восточно-Сибирский государственный институт культуры; Россия, 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1
e-mail: stanislav_bolhos@mail.ru

Болхосоева Елена Борисовна

кандидат географических наук, доцент кафедры географии и геоэкологии, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова; Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
e-mail: uman5@mail.ru

Information about the authors***Bolkhosoev Stanislav Borisovich***

Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Department of Ethnology and Folk art Culture, East-Siberian State Institute of Culture; 1, Tereshkova st., Ulan-Ude, 670031, Russian Federation
e-mail: stanislav_bolhos@mail.ru

Bolkhosoeva Elena Borisovna

Candidate of Sciences (Geography), Associate Professor of the Department of Geography and Geoecology, Dorzhi Banzarov Buryat State University; 24a, Smolin st., Ulan-Ude, 670000, Russian Federation
e-mail: uman5@mail.ru